

Труд. — 1994. — 4 июня. — С. 6.

Он обессмертил не только себя

6 июня — 195 лет со дня рождения А. С. Пушкина



Каждый год в начале июня мы по доброй традиции вспоминаем о Пушкине. «Солнцем русской поэзии» называли его современники. И в этом знакомом со школьных лет определении слышится неподдельное восхищение нашим национальным гением, осознание грандиозности совершенного им. С годами и десятилетиями ощущение этой грандиозности только усиливается. И каждый факт, деталь, событие в судьбе поэта представляются сегодня неизменно важными, значительными, а порой и символическими. Об этом — заметки известного поэта, переводчика Якова Козловского, немало времени и сил отдающего изучению биографии и творчества Пушкина.

...НАТАЛЬЯ Николаевна, вдова поэта, обратилась с просьбой к Павлу Васильевичу Анненкову, издать сочинения Александра Сергеевича и прислала два ящика его бумаг. Анненков сопроводил издание написанной им биографией Пушкина. Это одно из первых и наидостовернейших толкований судьбы и творчества поэта. Свое повествование Анненков начинает так: «Александр Сергеевич Пушкин родился в Москве, в 1799 году, мая 26, в четверг, в день Вознесения Господня на Молчановке». Новейшие архивные следы утверждают, что Пушкин родился в доме И. В. Скворцова на Малой Почтовой улице, угол Госпитального переулка. Споры по этому поводу продолжаются...

Я коренной москвич, для меня лестно, что Пушкин родился в Москве. Мой храм — Пушкинская площадь. Улицы, переулки, бульвары окрест нее с молодых лет рождали в сердце моем божественный трепет. Да разве у одного меня! Ощущение соприсутствия Пушкина дано нам сызмалства. Он никогда не был бронзой монумента. Порою чудится, что слышу его легкий шаг, его родниковую речь, его залихватский смех. Все вокруг напоено его присутствием, судьбой, поэзией.

Напротив Литературного института на Тверском бульваре, где я учился, он впервые встретил шестнадцатилетнюю Наталью Гончарову в классах замечательного танцмейстера Иогеля. А в Ворониковском переулке жил добрый приятель его Павел Воинович Нащокин. Поэт даже делал предложение Наталье Николаевне, ездил в нащокинском фраке. Получив согласие, стал считать, что этот факт принес ему счастье. И стал беречь его, как талисман.

А рядом с нынешним Елисеевским магазином был салон «царицы муз и красоты» Зинаиды Волконской. В нем он слушал стихи Мицкевича, читал свои... Всякий раз, когда мне в числе друзей стихотворцев приходилось выступать в Колонном зале, в мою душу вкрадывался совестливый страх, потому что в этом доме бывшего Благородного Собрания бывал Пушкин. Однажды появился вдвоем с Баратынским, и все, даже сановные особы, уступали

ему дорогу и раскланивались первыми.

А неподалеку от нынешней Пушкинской площади на склоне лет жила Анна Керн. Она хранила письма Пушкина. И рассталась с ними на исходе века и то по крайней бедности.

До свадьбы Пушкин останавливался в доме другого своего закадычного друга Сергея Александровича Соболевского, страстного библиофила и большого заводилы. Дом Соболевского находился на Собачьей Площадке. Сам Пушкин называл его в шутку «съезжей», а Соболевского «частным приставом». В 1826 году Соболевский сумел предотвратить дуэль поэта с графом Федором Толстым по кличке Американец. Этот граф, герой многих авантур и приключений, по свидетельству стоустой молвы, уложил одиннадцать противников на поединках.

ПУШКИН был человеком чести, и мужество не изменило ему до смертного часа. И тому доказательств много. Мы достоверно знаем от Ивана Пущина, что еще юношей его лицейский друг был обвинен в том, что наводнил столицу «возмутительными стихами». И Пушкина вызвали к тогдашнему генерал-губернатору графу Милорадовичу. Пушкин читал Милорадовича, как героя 1812 года. «Когда привезли Пушкина, — рассказывает Пущин, — граф Милорадович приказывает полицмейстеру ехать на его квартиру и опечатать все его бумаги. Пушкин, слыша это приказание, говорит ему: «Граф! Вы напрасно это делаете. Там не найдете того, что ищете. Лучше велите дать мне перо и бумаги, я здесь же все вам напишу». Милорадович оценил откровенность поэта:

— О! Это по-рыцарски! — И протянул Пушкину руку. Пушкин сел и написал все свои крамольные эпиграммы...

ПУШКИН неотделим от нескольких поколений соотечественников. Перечитывая его стихи, прозу, письма, записки, мы всякий раз открываем для себя что-то новое, если тоими жаждою духовной. И нескончаем этот родник мыслей, образов, благозвучия. Нам даже трудно себе представить, что когда-то не было Пушкина, что

герои, павшие на Бородинском поле, не знали строк: «Москва, я думал о тебе!». Глубина мысли и виртуозная пластика письма сопутствуют поэту во всех жанрах. Блистательная игра ума, остроты — характерные черты его творчества. И даже в, как в старину говорили, «неприличных» стихах он безукоризненно изыскан. Стихи скабрёзного Баркова нельзя читать милым дамам, а фривольные стихи Пушкина — сколько угодно. Вот к примеру:

Она тогда ко мне придет,
Когда весь мир утомится,
Когда все доброе ложится
И все недоброе — встает.

И сколько у него таких прекрасных строк, свободных от предрассудков, полных жизненного веселого обаяния, в которых проходил он, как по лезвию ножа. Не зря первый издатель пушкинской «Гаврилады» Н. Огарев (Лондон. 1861 год) писал, что язык и форма этой поэмы «безукоризненно изысканы». И добавляет: «Пушкин довел стихотворения эротического содержания до высокой художественности, где уже ни одна грубая черта не высказывается угловато и все облечено в поэтическую прозрачность».

И в жизни Пушкин был остроумным собеседником, и не дай Бог было попасться ему на язык, особенно людям, коих он не чтит... К примеру, был такой случай. В феврале 1833 года книжная лавка известного на всю читающую Россию Александра Филипповича Смирдина переехала на Невский проспект. На новоселье были приглашены именитые личности, а также цензор В. Н. Семенов. В честь новоселья был даже выпущен Смирдиным сборник под названием «Новоселье». На заглавном листе книги красовалась виньетка, рисованная Александром Брюлловым. На ней изображены были пирующие гости. За столом Пушкин заражал всех весельем, искрился шутками. Напротив него между Николаем Гречем и Фаддеем Булгаримым сидел цензор Семенов... Всем была известна связь Греча и Булгарина с III отделением. И вот в конце обеда Пушкин нарочито громко обратился к Семенову:

— Ты, Семенов, сегодня точно Христос на Голгофе...

Все расхохотались. Булгарин насупился. Еще бы! Ведь Христос на Голгофе был распят между двумя разбойниками...

МНОГИЕ годы отделяют нас от Пушкина, но какие-то незримые нити жизненно связывают нас с ним: он то подает нам пример порядочности, чести, мужества, то напоминает о связи времён.

Был у меня школьный товарищ по прозвищу Шпаклевка (Шпак Левка). Он однажды поспорил на уроке литературы с преподавательницей по поводу пушкинской строки: «Плетется рысью как-нибудь». Как это плетется рысью? — удивлялся он. И был обвинен в непочтительном отношении к Пушкину. Но через несколько лет на войне этот Левка поднял в атаку роту с возгласом: «За Пушкина!» — и был убит в полуверсте от его могилы в Святогорском монастыре.

Когда я, студент Литинститута, сказал профессору Бонди, что академик Нечкина считает клеветническим утверждение Пушкина, будто пугачевское восстание было «бунтом бессмысленным и беспощадным», он воскликнул: «Чур меня, чур меня!» Потом сказал: «Пушкин для нас авторитет непререкаемый. У рубля серебром и рубля медью — цена разная. Одно дело Пушкин как член Российской академии, а другое — Нечкина».

Ни один писатель в России не обессмертил столько людей, как Пушкин. Это и люди простого звания — Арина Родионовна и Никита Козлов, и представители знатных родов. Кто бы сейчас вспомнил красавицу Воронцову, милую Анну Керн, соседей Пушкина по Михайловскому, лицейских товарищей, даже Бенкендорфа, даже Дантеса, когда бы не Пушкин?

ПОМОЧЬ раненному на дуэли Пушкину пытались несколько врачей. В их числе — Николай Федорович Арндт. Он, как хирург, оказывал помощь в тридцати сражениях. Пушкин попросил Арндта быть откровенным. «Если так, — ответил он в присутствии К. К. Данзаса, — то я должен вам сказать, что рана ваша очень опасна и что к выздоровлению вашему я почти не имею надежды».

...А более чем через сто лет, после войны молодой, талантливый поэт Семен Гудзенко умер в клинике имени Бурденко. Лечил его доктор Арндт. Он хранил саквояж для хирургических инструментов, с которым его прадед приезжал к Пушкину...

Вернемся к тому, с чего начали. — к Анненкову. Жизнеописание поэта он завершает с величайшей скромностью: «Материалы для биографии Пушкина, представляемые теперь публике, передают только в слабом очерке внутреннюю и внешнюю жизнь поэта. Настоящая, полная жизнь его заключается в самих произведениях, порожденных, так сказать, ходом ее...».

Яков КОЗЛОВСКИЙ.

Пушкин А.С.

Ч.Б.94.